

УДК 314(091)

В ПОИСКАХ ТАТАРСКОЙ ИСТОРИИ

М.И. Роднов, доктор исторических наук

Упорный многолетний труд коллег из Татарстана по созданию обобщающего труда по истории татарского народа достиг, наконец, эпохи рубежа XIX – начала XX вв., одного из ключевых этапов в истории России и всех народов нашего Отечества. Из достижений и проблем того бурного и противоречивого периода произросли революция 1917 г. и Гражданская война с победившими большевиками, установившими невиданный в мировой истории социалистический строй. Поэтому научное сообщество к данной теме всегда будет относиться с особым вниманием.

К поставленной цели создания всеобъемлющей этнической истории, а руководит проектом Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ, идут постепенно и не спеша, затрачивая на подготовку каждого тома до трех лет, что совершенно естественно и верно. Но это накладывает и свои обязательства. В объемном шестом томе¹ мое внимание привлекли две темы: *этническая статистика* и *экономика*, которые показаны в первых трех разделах.

Труд получился в целом достойный, фундированный, с грамотным научно-справочным аппаратом, само изучение которого весьма полезно профессиональному историку, редакция не пожалела места для детального показа различных аспектов истории татар, видна цель – максимально охватить все стороны народной жизни. Качественная полиграфия и изящные

иллюстрации дополняют позитивное впечатление.

В последние годы в разных республиках РФ вышло немало этнических историй и одним из центральных, но проблемных вопросов является определение численности этноса, его формирование и развитие на своей, «исконной» и, конечно же, «исторически обоснованной» территории. Вот и в татарской истории текст начинается с параграфа «Динамика численности и расселение татар в Поволжье и Приуралье» (с. 48–54), автором которого является один из ведущих современных историков Татарстана Д.М. Исхаков, признанный специалист по средневековью. У него уже выходил ряд статей по этнической демографии вплоть до рубежа XIX–XX вв., и знакомство с параграфом сразу вызывает «приступ» критики. Ключевая тема вообще показана тезисно и кратко, буквально с первой страницы автор начал рассуждать о... башкирах (с. 48–49), предпочитая труды Р.Г. Кузеева. Главным остается вопрос – куда же делись свыше 120 тыс. башкир Мензелинского уезда, которых к 1926 г., по данным Шибаева (кстати, весьма сомнительным), осталось лишь 1,5 тыс. чел.? И вывод: они и не были башкирами, так как за 29 лет, с 1897 по 1926 г. мензелинские башкиры «полностью сменили свою этническую идентичность, что нам кажется невероятным». А вот мне не кажется, особенно когда за дело берутся боль-

шевики, тем более провозгласившие националстроительство.

Автор решает загадку мензелинских башкир легко – те к концу XIX в. «попросту не могли уже иметь башкирского этнического самосознания». И в длинном абзаце дается обоснование сего тезиса со ссылкой на монографию У.Х. Рахматуллина (М., 1988), где вообще-то говорится о населении Башкирии XVII–XVIII вв., к эпохе конца XIX в. Урал Хамитович вообще не прикасался. Историки же из Башкирии, которые тоже десятилетиями «мучаются» над улетучившимися мензелинскими башкирами (Р.З. Янгузин, А.З. Асфандияров и др.) и книжки печатают², вообще не упоминаются, их труды и аргументация не доводятся до сведения читателя.

Среди рассуждений встречаем загадочное: «Недаром все попытки земских статистиков в 60–70-х гг. XIX в. разделить башкир и татар самой северо-западной окраины Приуралья неизменно заканчивались неудачей». Интересно, это про кого? Уфимское земство (там, где спорный Мензелинский уезд) возникло в 1875 г., а первые статистические исследования прошли как раз в Мензелинском уезде в 1884 г.³ В первом в России Самарском земстве оценочно-статистическое бюро было создано в 1882 г.⁴ Ну не было тогда еще земской статистики и, конечно, уфимским и самарским земцам делать больше было нечего как разделять башкир с татарами. Да им вообще была безразлична эта проблема. Во время обследования 1895–1897 гг. в Уфимской губернии каждое уездное земство само группировало мусульманское население как заблагорассудится⁵.

До чего все это знакомо по всему Башкортостану. Перед нами опять избирательный подход к литературе и источникам (автор «не заметил» увесистого тома подворной переписи

1912–1913 гг. по Уфимской губернии, где есть Мензелинский уезд со всеми деревнями и численностью башкир в 154 324 чел.⁶). Сейчас, увы, нередко работы, авторы, источники, что не «ложатся» в искомую концепцию, просто игнорируются, на что обращено внимание в челябинской рецензии на пятый том истории уже башкирского народа⁷. Фактически в отдельных республиках Урало-Поволжья (далеко не всех) сложились автономные, замкнутые национальные историографии, не замечающие конкурентов, отгораживающие «своего» читателя от «неправильных» исследований⁸.

Не для того ли, чтобы иметь возможность высказывать в учебниках подобные перлы, как: «Однако было отказано во включении в состав Татарской Республики Уфимского уезда, большинство населения которого составляли татары»⁹. Каково? Итоги переписи 1917 г. по Уфимскому уезду: из всего числа жителей (без города) в 477 453 чел. русских насчитывалось 250 609 чел., уже больше половины, иных славян (украинцы, белорусы и др.) – еще 34 217 чел., представителей народов Поволжья (марийцы, удмурты, мордва и чуваша) – 14 540 чел., прочих (немцы, латыши и т. д.) – еще 7756 чел., итого – 307 122 чел., или 64% населения Уфимского уезда. Остальные тюрки-мусульмане, из которых, однако, башкир было 66 760 чел. (14% населения уезда). Примем все остальные группы за татар, коих окажется лишь 22% от всего числа сельского населения Уфимского уезда¹⁰. Как с арифметикой? – она в границах Татарстана еще не отменена? По данным переписи 1920 г., наблюдается переход части башкир в татары, но далеко не всех. И в Уфимском уезде в 1920 г. башкиры благополучно сохранили свою идентичность в деревнях Кучумово и Имамутдиново Караяку-

повской волости, Чишмы-баш, Чукараклы Абраевской¹¹ и др.

И опять к учебнику: «В состав Татарской республики не вошли Белебеевский, Бирский и Уфимский уезды, большинство населения которых составляли татары»¹². Школьники, видимо, должны пролить тут горючую слезу по поводу отторгнутых от родины-матери исконных земель. Обратимся к новейшим данным переписи 1920 г., мой подсчет по подворным карточкам, первоисточнику. В Белебеевском уезде, в условиях, как я уже сказал, массового перехода башкир, тептяр, мишар к этнониму татары, в 1920 г. из 595 518 чел. жителей тюрки-мусульмане охватывали 363 892 чел., или 61,1%. В их числе башкир насчитывалось 87 704 чел., или 14,7%. То есть даже на западе Уфимской губернии, в самом татарском уезде татар (к ним отнесем все остальные группы тюрков-мусульман) было 46,4%¹³.

По Бирскому уезду сообщаем новейшие, еще нигде не публиковавшиеся итоги переписи 1920 г.¹⁴ Из всего числа жителей (без города Бирска) в 625 433 чел. тюрков-мусульман было 365 592 чел., включая деревню Ново-Кайнлыково, где сельчане вообще не указали, к какому роду-племени они относятся (или статистик забыл про такую несущественную деталь), что составляет 58,4% общего количества населения. Остальные – русские, марийцы и даже 19 крещеных татар. «Чистых» башкир (не включая башкиро-татар, татаро-башкир, башкиро-тептяр, тептяро-башкир) имелось 140 928 чел., или 22,5%. Если опять все иные группы тюрков-мусульман (татар, тептяр, мишар, мусульман и пр.) отнесем к татарам, то последние будут составлять 35,9% всего населения Бирского уезда (224 664 чел.). Немногом более одной трети. Причем сведения переписи 1920 г. дают максимально высокую долю татар,

предыдущие переписи 1912–1913 и 1917 гг. показывают большой удельный вес башкир. Из какого чудотворного источника почерпнули авторы школьного учебника свои выводы, любопытно узнать? К реальной исторической ситуации они не имеют никакого отношения.

А в шестом томе истории татар многоуважаемый Д.М. Исхаков поговорил о татаро-чувашских взаимосвязях, зачем-то об урбанизации (далее этот вопрос рассматривается подробно), миграциях, сопровождая все это двумя таблицами из своих ранних работ, где доводит сведения о численности татар аж до 1897 г. А что, казанские земские статистики в начале XX в. бездельничали? Неужто вообще не интересовались татарами – их численностью, живут, дескать, а сколько – неведомо? В соседних регионах тоже вообще-то трудились. Могу, к примеру, пополнить шестой том сведениями по Вятской губернии на 1912 г., где всего проживало 170 255 татар, немалое число, в Малмыжском уезде – 67 136 чел., в Елабужском – 58 462 чел. и т. д.¹⁵

Удачный параграф о городском населении. Авторы (Н. Хамитбаева, И. Загидуллин, Л. Свердлова, А. Сызранов, Д. Денисов) собрали интересный и новаторский материал¹⁶. Просто увлекательно читается вся вторая глава «Татары в регионах» – яркий, сочный текст, как будто совершаешь путешествие по татарским общинам, украшение тома!

А сам шестой том истории татар можно рассматривать как некий итог развития татарской историографии за прошедшие 20 лет суверенного существования местной исторической науки: свое независимое финансирование, свои институты и академия, свободное (да?) научное планирование, свои издательства, журналы и пр. и пр. И что же видим: историческая

демография татарского народа рубежа XIX–XX вв. не изучалась, пришлось извлечь из «средневековья» Д.М. Исхакова, больше никого не подготовили. В результате из истории татар (!) невозможно узнать о численности татар в начале XX в. в Казанской губернии. Ошеломляющее наблюдение! По-моему, в книге должны быть поезда данные, сколько татар проживало в Спасском, Лаишевском, Чистопольском и др. уездах. Прекрасные очерки о Касимове и литовских татарах и вакуум по основной этнической территории. Как это понять?

У каждой медали есть обратная сторона. Добротные материалы о городских татарах Российской империи прикрывают такой же вакуум в исследованиях по истории татарского крестьянства важнейшего пореформенного периода. Что нового создано в историографии Татарстана после трудов Ю.И. Смыкова? Практически ничего, социально-экономическое (и демографическое) положение абсолютного большинства этноса два десятилетия фактически не изучается. Все кинулись в политику и идеологию.

Когда-то начинавший как историк-аграрник И.К. Загидуллин представил параграф «Землевладение и землепользование татар-хлебопашцев в пореформенный период». Все верно, но... скромно, сноска на новую литературу единицы (за отсутствием этой самой литературы). Кто пишет параграф о налогообложении – О.И. Марискин из Саранска, кто говорит о социально-экономическом развитии татар Поволжья – Н.Ф. Тагирова из Самары. Собственно татарстанскую историографию представляет этнограф Н.А. Халиков (монография 1995 г., итог еще советской эпохи). А третий раздел тома хорош. Названные авторы (а также Л. Свердлова и М. Габдуллин) создали прекрасную панораму общего хозяйственного развития

Поволжья, удачно вписав туда собственно этническую историю. Мои поздравления коллегам!

К этнической истории возвращаемся во втором разделе тома «Сословно-социальные группы татар». Лилия Байбулатова справедливо акцентирует внимание на татарском дворянстве Уфимской губернии. Их было много по России, но татарские дворяне-помещики существовали только здесь. Надо четче отделять мелкопоместных (без крепостных) «дворян-лапотников», как звали их у нас, в Башкирии, от владельцев усадеб. Ну и, конечно, в академическом томе не удержались от популистского фрагментика о русских дворянах – потомках татарских мурз. Интересно, о русских женах татарских деятелей советской эпохи будет говориться в следующем томе?

После грамотного материала о татарах в качестве отметим параграф о мещеряках башкирского историка Л.Ф. Тагировой. Еще один «суверенный вакуум» татарстанской историографии последних десятилетий. Недавно переиздали классическую работу Р.Г. Мухамедовой о татарах-мишарах, а где же новейшие исследования? Практически ничего существенного, нижегородцы пишут. Не потому ли такой жалкий интерес в Татарстане к мишарской теме, что она не подпадает под господствующую идеологию «казанской сироты» (назовем ее так) – про угнетенный и закабаленный железной имперской пятой (то бишь русской) татарский несчастный народ? А вот мещеряков не крестили, землей в авангарде российского империализма.

Ильшат Файзрахманов детально рассказал о тептярях, весьма неплохо, но почему-то остановился на 1865 г. Тептяри фиксируются и в переписях начала XX в., вплоть до советской эпохи. Читателю об этом знать не положено?

Отдельный параграф в истории татар «*Башкиры*» (с. 174–177) И.К. Загидуллина сразу добавил адреналина при чтении. А что, совершенно логично, ведь большое количество башкир вошло в состав современного татарского народа, было ассимилировано, инкорпорировано (в следующем томе должен быть, по-моему, раздел – ассимиляция мензелинских, елабужских, бугульминских башкир). Автор скрупулезно повествует о военно-служилом положении башкир в кантонную эпоху (без сноски на Алишева можно было обойтись). На с. 176 автор четко указывает на двойное понимание башкир – «сословное и этническое». Bravo! Есть башкиры по сословию¹⁷, а есть башкиры по национальности. Именно так и рассуждали современники, например Н.А. Гурвич в 1860-е гг. Но, видимо, убоявшись своего радикализма, И.К. Загидуллин затем пускается в неуместные рассуждения, опустившись аж в XVII в. Том хронологически о чем? Ну хорошо, хоть про стольный град Башкорт ничего не сказал. И вот за это нельзя не похвалить, позитивно оценил кантонную эпоху (с. 177).

Замысел редакторов тома особо выделить сословный фактор, забытый и «приниженный» в советский период, нельзя не приветствовать. В Российской империи все население делилось по конфессиям и сословиям, этничность была побочным, дополнительным, малозначимым компонентом идентификации. Например, если бы царское правительство выделило крещеных татар в отдельное сословие со своими правами и обязанностями, землей и налогами, то, возможно, кряшенская этническая группа сейчас была бы совершенно иной. Вот и говоря о башкирском вопросе, «занозе» татарской историографии, о котором в этом томе (напомню, истории *tatar*) начинают

рассуждать с первого параграфа первой главы первого раздела, читатель (непредубежденный) должен ясно видеть конкретную сословно-этническую ситуацию.

Башкиры («исторические») были единственным, уникальным в этом смысле народом, у которого сословие (вотчинник) и этничность практически совпадали (иные сословные группы были незначительны). В Российской империи не было просто башкира, был башкир-вотчинник. И постепенный распад всей сословной структуры, который медленно происходил на последних этапах империи (первыми «откололись» башкиры по сословию), прямо влиял на этническую идентификацию. А когда в 1917 г. Временное правительство отменило сословия де-юре, а большевики – де-факто, «рухнувшая» сословная идентичность «потянула» за собой этническое самоопределение, тем более когда за это взялись большевики¹⁸.

Без сомнения, если бы Ленин и Сталин отдали в ТАССР еще Белебеевский и Бирский уезды, там сейчас тоже не было бы никаких башкир. Национал-коммунистические элиты Татарии разобрались бы и с ними (как в Мензелинском уезде), и ничего удивительного и оригинального здесь нет, вспомним судьбу русинов и кашубов в социалистической Польше. Впрочем, татарским историкам не надо так далеко смотреть на запад, проще глянуть к восходу солнца. В условиях авторитарных, а тем более тоталитарных режимов, элиты и решают кому кем быть, с кем дружить и что читать (особливо в учебниках). Нам в Башкортостане это тоже прекрасно известно.

В целом же шестой том истории татар отразил современную историографическую ситуацию перехода, затянувшегося кое-где, увы, перехода от автократических (в интернациональ-

ном или национальном варианте) возможной свободой научного познания. Но движение есть, неумолима наступающей демократии, с максимально поступь истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История татар с древнейших времен. В 7-и т. Т. VI. Формирование татарской нации XIX – начало XX в. – Казань, 2013.

² Из последнего: *Асфандияров А.З.* Аулы мензелинских башкир. – Уфа, 2009. – 598 с.; *Асылгузжин Р.Р., Юсупов Ю.М., Салауши Т.А.* Западные башкиры: политическая история, проблема этнической идентификации. – Уфа, 2010.

³ См.: *Роднов М.И.* Земство Уфимской губернии и аграрная статистика // Российская история. 2012. № 5; *Он же.* Массовые источники по истории Мензелинского уезда рубежа XIX–XX вв. // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 71; др.

⁴ *Кабытов П.С., Арнольдов Н.А. и др.* Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.). – Самара, 2009. – С.167.

⁵ *Роднов М.И.* Спор о цифре: численность башкирского народа во второй половине XIX – начале XX вв. // Этностатистические траектории Южного Урала. Динамика расселения народов Башкирии. М., 2006. – С. 126.

⁶ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 254–255 (кроме того, в Мензелинском уезде проживали русские – 135 150 чел., татары – 93 403, тептяри – 36 783, крещенные татары – 26 058, мордва – 6151, чувашаи – 3922, марийцы – 2448, а всего – 458 239 чел.).

⁷ *Назыров П.Ф.* Региональная история через призму национальной историографии: к выходу пятого тома «Истории башкирского народа» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. История. Вып. 52. С. 158–159.

⁸ Мои взгляды: *Роднов М.И.* Уроки Любавского // Научное, педагогическое и просветительское наследие М.К. Любавского и актуальные проблемы социально-экономического и политической истории России и ее регионов XVI–XX вв. Уфа, 2010; *Он же.* Конструирование образа крестьянства (современная историография Башкортостана на переломе эпох) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века. М., 2011.

⁹ *Галлямова А.Г., Гибатдинов М.М., Кабиров А.Ш.* История татарского народа (XX – начало XXI вв.): учебное пособие для 11 класса средней общеобразовательной школы с русским языком обучения (профильный уровень). Казань, 2012. С. 20.

¹⁰ *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. – Уфа, 1997. – С. 188–189.

¹¹ ЦИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 684, 909.

¹² *Галлямова А.Г., Гибатдинов М.М., Кабиров А.Ш.* Указ. соч. С. 21.

¹³ *Роднов М.И.* Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. М., 2009. С. 118–119.

¹⁴ Подсчитано по: ЦИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 751–868, 925.

¹⁵ Перепись населения и скота Вятской губернии. Подворная перепись населения и скота в Вятской губернии 1912 г. Вятка, 1914. С. 318 (данные любезно предоставил А.Д. Коростелёв).

¹⁶ Уточним еще одну цифру. На с. 88 И. Загидуллин утверждает, что в Уфе к 1910 г. татары составляли уже треть уфимцев (32,8%, или 31 897 чел.), ссылаясь на издание «Города России в 1910 году» (СПб., 1914, страница не указана). А по данным на 1 января 1912 г., в Уфе из общего числа жителей в 106 459 чел. лиц, исповедующих магометанство (то есть не только татар, но и башкир и пр.) насчитывалось 19 318 чел.,

или всего 18,2% (Уфимский земский календарь на 1913 год. Уфа, 1914. С. 22). Татарская община веками являлась в Уфе второй по численности, но чтобы в начале XX в. они составляли треть жителей города – это нелепица, в которой легко убедиться, взяв любой из справочников по Уфе того времени.

¹⁷ «Башкирами» называли себя тептяри, мишари, маришцы и некоторые другие группы населения, состоявшие в Башкиро-мещерякском (Башкирском) войске, что свидетельствует о второстепенности этнической идентификации перед сословной. И даже после роспуска войска в 1863–1865 гг. они продолжали именовать себя башкирами, что подтверждают данные переписи 1917 г. Полностью «сословные» башкиры перешли к другим этнонимам – татары, мари – лишь в годы революции и Гражданской войны. Существование башкир «по сословию» некоторые исследователи переносят на весь башкирский этнос, «не замечая» исторических башкир, в состав которых, конечно же, в XVI – начале XVIII и даже в XIX (казахи) вв. влились различные иноэтничные группы. Но совершенно те же процессы (ассимиляции, инкорпорации) происходили у русских и даже казанских татар (вспомним чувашей Арской дороги).

¹⁸ И снова учебник: «Большие споры разгорелись вокруг Мензелинского уезда, который в конечном счете по настоянию самих его жителей был включен в состав Татарской Республики» (*Галлямова А.Г., Гибатдинов М.М., Кабирова А.Ш.* Указ. соч. С. 20). То есть трудящиеся Мензелинского уезда, где только что отгремели залпы Гражданской войны и ушли карательные отряды, расстреливавшие крестьян – участников восстания «Черного орла», конечно же, возмечтали присоединиться к Татарской автономии, других желаний в условиях начинавшегося в 1920 г. страшного голода у них не было. Любопытно, что напишут об этом в седьмом томе?

Аннотация

В рецензии 6-го тома «Истории татар с древнейших времен» оценивается определенный итог развития татарской историографии за прошедшие 20 лет; автор уделяет главное внимание первым трем разделам тома, посвященным этнической статистике и экономике. Подробно анализируется демографическая ситуация в Уфимской губернии, отмечаются просчеты при подсчете башкирского и татарского населения региона, вкратце указываются достоинства и некоторые упущения в разделах.

Ключевые слова: шестой том Истории татар, демографическое развитие татар, башкиры, сословные группы татар, социально-экономические процессы, Волго-Уральский регион XIX – начала XX вв.

Summary

The certain result of the development of the Tatar historiography for the last 20 years is estimated in the review of the 6th volume of the "History of the Tatars from ancient times", the author focuses on the first three sections of the volume devoted to ethnic statistics and economics. The demographic situation in Ufa province is analysed in detail, errors in the calculation of the Bashkir and Tatar population of the region are marked, the advantages and shortcomings in some sections are indicated briefly.

Keywords: the sixth volume of the History of the Tatars, the demographic development of the Tatars, Bashkirs, Tatars caste groups, socio-economic processes, the Volga-Ural region in the XIX – early XX centuries.